

Варвара Жданова

«Приезжаем сегодня к Пушкину...»

Памятник Пушкину на Тверском бульваре – сквозной образ Булгакова.

6 июня 1880 года в Москве был открыт памятник Пушкину, монумент работы А.М. Опекушина, установленный на народные пожертвования, собранные по подписке.

В Москве был настоящий пушкинский праздник.

Особенно знаменательными стали торжественные заседания Общества любителей российской словесности в залах Благородного собрания. Перед русской публикой едва ли не впервые предстал весь цвет отечественной литературы. С приветственными речами и чтением произведений Пушкина выступили Достоевский, Тургенев, Аксаков, Григорович, Островский, Майков, Полонский и многие другие.

« - Слово принадлежит почетному члену Общества Федору Михайловичу Достоевскому.

Достоевский поднялся, стал собирать свои листки и потом медленно пошел к кафедре, продолжая нервно перебирать руками листки – список своей речи. Мне он показался осунувшимся со вчерашнего дня. Фрак висел на нем, как на вешалке; рубашка была уже измята; белый галстук, плохо завязанный, казалось, вот сейчас развяжется.

Достоевский, встреченный громом рукоплесканий, взойдя на кафедру, - я помню ясно подробности, - протянул вперед руку, как бы желая остановить хлопки. Когда они понемногу смолкли, он начал прямо, без обычных «Милостивые государыни, милостивые государи» - «Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа, сказал Гоголь... Прибавлю от себя – и пророческое...»

Первые слова Достоевский сказал глухо, но последние каким-то громким шепотом; как-то таинственно. Я почувствовал, что не только я, но вся зала вздрогнула и поняла, что в слове «пророческое» вся суть речи и Достоевский скажет что-нибудь необыкновенное. Это не будет обыденная речь, состоящая из красивых фраз, как была у Тургенева накануне, а что-то «карамазовское», тяжелое, мучительное, длинное, но душу захватывающее, от которого и оторваться нельзя.

Достоевский заметил произведенное впечатление и повторил громко:

«Да, в появлении Пушкина для всех нас, русских, нечто бесспорно пророческое...»

(Д.Н. Любимов Открытие памятника в Москве 6 июня 1880 года. Воспоминания очевидца).

Другой мемуарист добавляет:

«Потрясающее впечатление, произведенное речью Достоевского, перенеслось с быстротой молнии за стены Благородного собрания в город, и можно без преувеличения сказать – выросло в историческое событие. Только о Достоевском в Москве и говорили. Казалось, весь праздник Пушкина заключался именно в этой речи, а прочее отодвинуто на задний план».

На празднично украшенной площади возле Страстного монастыря толпился народ, стояли местные власти и приглашенные гости.

С монумента, затянутого до поры парусиной, спала пелена.

Впервые открывался памятник не царю, не герою, писателю.

Булгаков не был одинок в пристальном внимании к опекушинскому монументу. В произведениях Бунина, Зайцева, Цветаевой, Ильфа и Петрова, Хлебникова, Пастернака, Есенина, Маяковского и многих других писателей, памятник мелькает как знаковое явление; оказывается в центре изобразительного ряда; даже является соучастником действия, почти собеседником автора.

Среди ранних рассказов, фельетонов и очерков Булгакова, опубликованных в газете «Накануне», отметим очерк «Москва краснокаменная» (июль 1922), в финале которого упоминается памятник Пушкину.

Автор предлагает читателю путешествие по «красной Москве» на трамвае «Аннушка».

По проложенной рельсовой дороге неуклонно движется трамвай, неуклонно, подобно самой судьбе, слепо следующей кем-то намеченному маршруту.

«Жужжит «Аннушка», звонит, трещит, качается. По Кремлевской набережной летит к Храму Христа.

Хорошо у Храма. Какой основательный кус воздуха навис над Москвой-рекой от белых стен до отвратительных бездымных четырех труб, торчащих из Замоскворечья.

За Храмом, там, где некогда величественно восседал тяжелый Александр III в сапогах гармоникой, теперь только пустой постамент. Грузный комод, на котором ничего нет и ничего, по-видимому, не предвидится. И над постаментом воздушный столб до самого синего неба.

Гуляй – не хочу».

В первых строках очерка, приведенных нами, речь идет о поверженных идеалах. Теперь их нет – «гуляй – не хочу». Православие и самодержавие – забытые ценности старой России. Памятник царю уже уничтожен, дело - за церквями.

Как и всякий русский, сохранивший историческую память, Булгаков жалеет православные храмы.

В очерке «Сорок сороков» (1923) с горечью, пробивающейся сквозь цензурные запреты, Булгаков пишет о московских церквях:

«Но Параскева Пятница глядит печально и тускло. Говорят, что ее снесут. Это жаль. Сколько видал этот узкий проход между окнами с мясными тушами и ларьками букинистов и белым боком церкви, ставшей по самой середине улицы.

Часовню, что была на маленькой площади, там, где Тверская скрещивается с Охотным и Моховой, уже снесли».

Все ли ценности старого мира повержены? Чем же будет жить человек в новом мире, в «Москве краснокаменной»?

«Вечером на бульварах толчея. Александр Сергеевич Пушкин, наклонив голову, внимательно смотрит на гудящий у его ног Тверской бульвар. О чем он думает – никому не известно... Ночью транспаранты горят. Звезды...

В тишине по всей Москве каждую четверть часа разносится таинственный нежный перезвон со старой башни... Каждую четверть часа несется с кремлевских стен перезвон. И спит перед новым буднем улица в невиданном, неслыханном красноторговом Китай-городе».

Вот нравственные опоры нового послереволюционного общества. Кремль – как исторический памятник русской государственности и, одновременно, надежда на возрождение державы. И Пушкин – как память о духовных корнях и надежда на новый взлет духовности.

В сентябре 1922 года газета «Накануне» опубликовала рассказ Булгакова «Похождения Чичикова».

В рассказе Булгакова гоголевский герой появился в нэпманской Москве и очень успешно занялся не вполне законной коммерцией.

«...Подал куда следует заявление, что желает снять в аренду некое предприятие, и расписал необыкновенными красками, какие от этого государству будут выгоды...

Попросили указать предприятие. Извольте. На Тверском бульваре, как раз против Страстного монастыря, перейдя улицу, и называется – Пампуш на Твербуле...

Это он адрес памятника Пушкину указал».

Для нэпмана Пушкин – коммерческое предприятие «Пампуш». Здесь у Булгакова впервые зазвучала тема посягательств на Пушкина разнообразных «арендаторов», снижающих великое наследие до своего уровня понимания и

толкования. В «Мастере и Маргарите» обыватель Никанор Иванович Босой говаривал: «А керосин, стало быть, Пушкин покупать будет?»

У Булгакова, как и у многих, особое отношение к опекушинскому монументу. Пушкин почти живой. Будто бы даже не памятник Пушкину, а сам «Пушкин».

В фельетонах начала 1920-х годов:

«Пушкин стоит, на даму смотрит, а дама на Пушкина».

«Приезжаем сегодня к Пушкину...»

В книгах Булгакова знаменитый московский памятник позволяет Пушкину взглянуть на нас, оставаясь в другом измерении, в мире ином.

Пушкин – зритель, который таинственно влияет на действие, но не вмешивается в него.

Таким Пушкин предстанет перед Рюхиным в «Мастере и Маргарите».

Нам особенно интересны поэтические произведения, где памятник Пушкину оказывается собеседником автора. Они помогли бы пролить свет на историю написания Булгаковым монолога поэта-неудачника, завистника Рюхина перед «Пушкиным» на Тверском бульваре.

Поэтому вспомним известные «юбилейные» (написанные в 1924 году) стихотворения Есенина и Маяковского.

Есенин называет Пушкина «русской судьбой». Он идет за Гоголем и Достоевским, которые определили Пушкина, как «явление русского духа», «пророческое явление».

Устремленность к почти божественному гению Пушкина традиционна для русского писателя.

В монологе Рюхина нет каких-либо отсылок к стихотворению Есенина. Нет и свидетельств, что Булгаков был знаком с этим стихотворением.

«Рюхин поднял голову и увидел, что он давно уже в Москве и, более того, что над Москвой рассвет, что облако подсвечено золотом... и что близехонько от него стоит на постаменте металлический человек и безразлично смотрит на бульвар».

Какие-то странные мысли хлынули в голову заболевшему поэту. «Вот пример настоящей удачливости... - тут Рюхин встал во весь рост и руку поднял, нападая зачем-то на никого не трогающего чугунного человека, - какой бы шаг он не сделал в жизни, все шло ему на пользу, все обращалось к его славе! Но что он сделал? Я не постигаю... Что-нибудь особенное есть в этих словах: «Буря мглою...»? Не понимаю!.. Повезло, повезло! – вдруг ядовито заключил Рюхин и почувствовал, что грузовик под ним шевельнулся, - стрелял, стрелял в него этот белогвардеец и раздробил бедро и обеспечил бессмертие...»

Влияние стихотворения Маяковского «Юбилейное» очевидно.

Во-первых, сюжет – разговор современного поэта с памятником Пушкину, в час, когда над Москвой «рассвет лучища выкалил».

Сходная характеристика Дантеса:

Сукин сын Дантес!

Великосветский шкода.

Мы б его спросили:

- А ваши кто родители?

Чем вы занимались

до 17-го года? –

Только этого Дантеса бы и видели.

Личность Рюхина нарочито стерта. Автор же «Юбилейного» - яркая индивидуальность, он оригинален даже внешне, манерой поведения. Если бы Булгаков захотел изобразить Маяковского в романе, прототип увидели бы сразу, гадать бы не пришлось.

Думается, мельком Маяковский появляется все же в «Мастере и Маргарите».

«Но нет, нет! Лгут оболъстители-мистики, никаких Караибских морей нет на свете... Нет ничего, и ничего и не было! Вон чахлая липа есть, есть чугунная решетка и за ней бульвар... И плавится лед в вазочке, и видны за соседним столиком чьи-то налитые кровью бычьи глаза, и страшно, страшно... О, боги, боги мои, яду мне, яду!..»

Как известно, под вымышленным названием Ресторана Грибоедова скрывается реально существовавший писательский ресторан «Дома Герцена».

В книге «Ни дня без строчки» бывший коллега Булгакова по «Гудку», Юрий Олеша, вспоминал о Маяковском:

«Иногда он появлялся на веранде ресторана «Дома Герцена», летом, когда посетители сидели за столиками именно здесь, у перил с цветочными ящиками...

Все издали видели его появившуюся в воротах, в конце сада, фигуру. Когда он появлялся на веранде, все шепталось, переглядывалось... Он замедлял ход, ища взглядом незанятый столик. Все смотрели на его пиджак – синий, на его штаны – серые, на его трость – в руке, на его лицо – длинное и в его глаза – невыносимые!..

Буквально сейчас я вижу этот столик чуть влево от меня... и глаза, о которых у Гомера сказано, что они как у вола...

Глаза у него были несравненные – большие, черные, с таким взглядом, который, когда мы встречались с ним, казалось, только и составляет единственное, что есть в данную минуту в мире. Ничего, казалось, нет сейчас вокруг вас, только этот взгляд существует.

Когда я вспоминаю Маяковского, я тотчас же вижу эти глаза – сквозь обои, сквозь листву. Они на меня смотрят, и мне кажется, что в мире становится тихо, таинственно».

Поразительны совпадения с последней приведенной нами цитатой из «Мастера и Маргариты».

Олеша говорит о добрых глазах вола. Булгаков – о глазах разъяренного быка. Для Олеша Маяковский – союзник и друг, для Булгакова – непримиримый противник.

В журнале «Бегемот» (№7, 1927) появилась карикатура на Маяковского «Азбучная истина» с насмешливым «примечанием»:

«Маяковский (непринужденно) – «Нам в веках стоять почти что рядом – Вы на «П», а я на «М» (Из стихотв. «Ал.С. Пушкину»).

Примечание «Бегемота» - Милый! Обратите внимание на азбуку. Между вами все-таки есть некоторое НО».

10 апреля 1943 года во МХАТе состоялась премьера пьесы Булгакова «Пушкин» (театр дал ей название «Последние дни»). Драматург не дожидаясь премьеры, он умер за три года до того, весной 1940 года.

Театральный художник П.В. Вильямс создал выдающиеся декорации к спектаклю.

Замечателен был финал, придуманный мхатовцами. Загорался экран. В лучах розовой зари появлялся знакомый бронзовый памятник Пушкину.

Это была истинно булгаковская сцена! Будто реминисценция из «Мастера и Маргариты», где ничтожный Рюхин задумался о бессмертии Пушкина.

Об этой сцене критика писала: «...возникает из серебряного тумана очищенный от бытовых дрызг образ поэта... Художественный театр здесь дорисовал портрет героя и на миг вернул зрителю дорогой ему образ...»

Апофеоз вечной жизни творца.

Примечание. Статья «Приезжаем сегодня к Пушкину» вошла составной частью в монографию о Булгакове «Служение и венец», опубликованную издательством LAP Lambert Academic Publishing в 2013 году.